

Юлия Панкова В поисках различения «научного» и «ненаучного»: проблема и решения

Юлия Панкова, магистрант факультета социологии и политологии МВШСЭН

Введение в проблему.
Карл Поппер и спор
с позитивизмом

Данная работа посвящена проблеме демаркации (от фр. «разграничение», «проведение границы») науки от других форм духовной деятельности. Впервые эта проблема была эксплицитно поставлена Карлом Поппером, который развивал свои идеи на питательной почве критической философии Иммануила Канта, известного своим главным трансцендентальным вопросом: «Как возможна чистая наука о природе?»¹. Для нас особо значимым будет не только

что автор помещает в проблемное поле, но и как он его производит и как пытается логически выйти из него.

Свой путь к постановке проблемы демаркации научного знания Поппер начинает с возмутительных, по его мнению, позитивистских заблуждений, господствовавших тогда в эпистемологии и определявших образ науки в целом.

В споре с позитивистами Поппер затрагивает три значимые эпистемологические установки: классического эмпирицизма, индуктивизма и верификационизма, которые, как он считает, должны быть отвергнуты в силу своей научной несостоятельности. Рассмотрим его доводы по этому поводу.

По традиции классического эмпирицизма, все высказывания, не имеющие своей укорененности в чувственном опыте, т. е. не сводимые к элементарным высказываниям об опыте, не могут быть определены ни как истинные, ни как ложные, а поэтому — бессмысленны. Метафизика, поэтому, есть бессмысленная болтовня — «софистика и заблуждение», по выражению одного эмпирициста позитивистского толка².

Однако Поппер утверждает ошибочность характеристики метафизики как «бессмысленного нонсенса». Он пишет: «... мифы могут получить дальнейшее развитие и сделаться проверяемыми, <...> исторически все или почти все научные теории воз-

никли из мифов и ... миф может содержать важные предвосхищения научных теорий. <...> Поэтому <...> если некоторая теория оказывается ненаучной, или «метафизической» <...>, из этого вовсе не следует, что она не важна, не имеет никакого значения, является «бессмысленной» или «абсурдной»³.

В то же время и «верификационизм», согласно которому «мы должны отвергать все суждения, которые не имеют удовлетворительных свидетельств, и принимать только те суждения, которые имеют достаточное свидетельство, то есть могут быть доказаны <...> посредством <...> наших органов чувств»⁴, как критерий проведения линии демаркации научных теорий от «лишенных значения псевдовысказываний», оказывается ложным, — в силу того, что «такой критерий слишком узок (и одновременно слишком широк): он исключает из науки практически все, что наиболее характерно для нее»⁵. Между тем крайне «легко получить подтверждения, или верификации, почти для каждой теории, если мы ищем подтверждений»⁶. Но ни одна теория не может быть окончательно обоснована посредством некоторых ее следствий⁷. Этими положениями Поппер нивелирует верификацию как достаточный критерий «научности».

Но главное, что философ стремится сделать — это подорвать святую веру позитивистов в эмпирический метод как необходимо индуктивный, основанный на переходе от сингулярных наблюдений к генеральной теории. Поппер говорит о невозможности «первичности» наблюдений как таковых — т. е., перефразируя его доводы, любое наблюдение, предшествующее принимаемой нами отдельной гипотезе, предполагает «наличие некоторых рамок соотношения, рамок ожидания, теоретических структур»⁸. Кроме того, метод может апеллировать к наблюдению или эксперименту, но тем не менее не соответствовать научным стандартам. Все это свидетельствует о явной несостоятельности индуктивного метода как истинно научного способа получения знания.

Таким образом, представления позитивистов о единственно правильном научном

методе и критерии «научности», способном отделить значимое научное знание от ненужной бессмыслицы, были простейшим образом опровергнуты.

Однако возникает проблема нахождения более подходящего метода получения и проверки знания на научность, а также необходимого и достаточного критерия, отделяющего научные теории от ненаучных. Тогда Поппер и приходит к выводу, что эта и многие другие проблемы философии науки будут решены, если он найдет решение для более фундаментальной проблемы теории знания — проблемы проведения границы между высказываниями эмпирическими и всеми другими высказываниями — религиозными, метафизическими или просто псевдонаучными, которую впоследствии он назовет «проблемой демаркации»⁹.

Возможно, исходя из успешного и довольно простого опровержения индуктивного метода и верифицируемости как критерия значения, Поппер выдвинул решением этой проблемы именно «критерий фальсифицируемости», определяемый через потенциальную способность высказываний или системы высказываний «вступить в конфликт с возможными, или мыслимыми, наблюдениями»¹⁰. Таким образом, по Попперу, система только тогда будет эмпирической (научной), «если имеется возможность опытной ее проверки»¹¹.

В свою очередь, тезис о невозможности фальсифицировать эмпирическими фактами лишь те знания (предположения, суждения, теории и т. д.), которые лежат вне науки, позволяет ученому утвердить достаточность принципа фальсифицируемости как критерия демаркации эмпирической объективной науки, отрывающей нам путь к реальным фактам, от формальной логики, математики и метафизики, знание которых нерелевантно «реальному положению дел» и поэтому непроверяемо. Таким образом, попперовское решение проблемы демаркации — и одновременно критерий научного статуса теории — «фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость»¹².

После открытия решения проблемы демаркации более частная проблема поиска научного метода также, как и предполагал Поппер, разрешилась. На место метода индукции как необоснованного метода эмпирической науки автор выдвигает свой строгий метод «критического рационализма», направленный не на доказательство или подтверждение, но на опровержение выдвинутой гипотезы, на стремление найти ошибочность, «ложность» теоретического утверждения¹³, что

называется Поппером «нацеленностью на провал» — постоянное ожидание неудачи. В попперовском методе критика и проверка составляют неотъемлемую часть «испытания» теории, по итогам которого она либо отвергается, либо, при безуспешных попытках ее фальсифицировать, поддерживается до тех пор, пока последующие отрицательные эксперименты не опровергнут ее¹⁴. «Таким образом, — замечает Поппер, — «мы сможем, если нам повезет, гарантировать выживание самой выжившей теории посредством элиминации менее подходящих»¹⁵. Здесь проявляет себя известная «эволюционная эпистемология» Поппера, подробно изложенная во многих его работах, характеризующаяся постоянными диалектическими отношениями предположений и опровержений, все более глубокими проблемами и все лучшими, более совершенными способами их решения, где основными механизмами развития выступают рациональная критика и принцип фальсификации.

Однако, Поппер был крайне обеспокоен способностью конвенционализма, влиятельной концепции философии науки того времени, логически подорвать всю его систему доказательств посредством произвольной «подгонки» любой теории под релевантные ей эмпирические факты. Согласно конвенционалистской позиции, основой науки являются произвольные соглашения сообщества ученых, регулируемые принципами простоты, удобства, непротиворечивости. В данной перспективе уже невозможно говорить об опровергаемых и непроверяемых теориях, а попперовский принцип фальсифицируемости оказывается неспособным четко разделить научное знание от ненаучного. Поэтому единственный способ избежать этих, как автор называет, «конвенционалистских уловок» и тем самым спасти эмпирическую науку в принципе — отвергнуть их. Поппер пишет: «Мы решаем, что в случае угрозы нашей системе мы не будем спасать ее никакими конвенционалистскими уловками»¹⁶. Однако, далее он выводит свои «методологические решения», своеобразные «правила игры, характерной для эмпирической науки»¹⁷, устанавливающие возможные и запретные ходы, которые позволяют философу сохранить как решение, так и саму проблему демаркации от конвенционалистской релятивизации. Так, его принцип демаркации сам оказывается «укрепленным» конвенциональным решением — «все правила такого типа конструируются с целью обеспечения применения критерия демаркации. Поэтому формулировка и принятие этих правил происходит в соответствии с практическим правилом более высокого типа»¹⁸. Ясно, что Попперу не удается полностью избежать

1 Kant Immanuel, John Miller Dow Meiklejohn Critique of Pure Reason. London: Henry G. Bohn, 1855. P. 13.

2 Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс, 1983. С. 56.

3 Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс, 1983. С. 248.

4 Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс, 1983. С. 465.

5 Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. С. 251.

6 Там же. С. 244.

7 Поппер К. Логика научного исследования. С. 193.

8 Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. С. 261.

9 Там же. С. 249.

10 Там же.

11 Поппер К. Логика научного. С. 63.

12 Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного. С. 245.

13 Там же. С. 323.

14 Поппер К. Логика научного исследования. С. 54.

15 Поппер К. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. №1. С. 119.

16 Поппер К. Логика научного исследования. С. 109.

17 Там же. С. 78.

18 Там же. С. 79.

конвенционализма в силу невозможности сделать это без посредства других конвенциональных норм и правил. Единственным оправдательным пунктом его расхождения с конвенционализмом оказывается замечание, что его теория конвенциональна, но не произвольна.

Итак, в своем рационально-конвенциональном методе выдвижения множества наиболее смелых и невероятных предположений и их критической «отбраковки» в пользу других, более правдоподобных теорий, Поппер видел универсальный способ получения научного знания, которое всегда гипотетично, неполноценно, в нем всегда допускается «ошибочность». В этой позиции Поппер близок кантовской традиции, не признающей существования знания о реальном мире, знания (по Канту) о природе-в-себе. Тем не менее дальнейшую «судьбу» научного знания Поппер видит по-своему.

Почему Кант, — имплицитно спрашивает Поппер, — столь неумолим в своей критике познавательной способности субъекта? Почему он не оставляет даже надежды на извлечение законов природы? Почему Кант отвергает наше желание «чему-то научиться

из ее отрицательных ответов по поводу истинности наших теорий»¹⁹? Для Поппера процесс совершенствования человека неотделим от роста науки, для него, пока мы живы, мы можем преодолеть проблемные ситуации, выдвигать новые решения и отбрасывать ошибочные, мы можем делать попытки открыть истинное знание вещей, заставляя свой разум, таланты и способности работать на прогресс объективного знания, и в этом прогрессе мы можем преодолеть оковы самих себя, а «наши погрешимые человеческие мозги могут вырасти в светочи, озаряющие Вселенную»²⁰.

В этой связи, одной из причин, побудивших Поппера отойти от кантовской критики, стало требование прогресса научного знания и нашего преобразования в нем, выполнение которого было невозможно в пессимистических ответах Канта.

Однако возвратимся к нашей проблеме демаркации науки и восстановим логику ее постановки Поппером сквозь призму кантовского учения. Задачей Поппера становится разделение эмпирической науки от метафизики и формальных наук, т. е. (в кантовском духе) проведение границы между знанием о мире (природе, реальности) и чисто умозрительными конструкциями, «аподиктически достоверными» безотносительно к опыту²¹, — что, по сути, открывает нам

более фундаментальный вопрос — о возможности познания «реального положения дел» и пределах, до которых мы способны это объективное знание получать.

Таким образом, с одной стороны, в своих рассуждениях Поппер спорит с Кантом насчет его категорической неприемлемости познания «вещи-в-себе», природы как таковой без отношения к нашим понятиям о ней, но, с другой стороны, остается в его «очках» — в том смысле, что реальность природного мира, имеющего внесубъективное бытие, для него очевидна. Без этих «очков» Поппер не смог бы «увидеть» проблему проведения границ эмпирической науки — и, по-другому, саму проблемность недемаркирования научного познания²².

Описанную базовую установку Поппера можно прояснить его теорией трех миров, в соответствии с которой он пишет: «я реалист: я полагаю, отчасти подобно наивному реалисту, что существует физический мир и мир состояний сознания <...> и я считаю также, что существует третий мир»²³ — этот мир Поппер характеризует состоящим из «объективного содержания мышления»²⁴: содержания научных идей, мифов, технологий, произведений искусства и т. д.

Первый мир, конечно, взаимодействует со вторым, также как и объекты второго «тесно соприкасаются» с содержанием третьего мира, однако содержание объективных высказываний, теорий, открытий проблем третьего мира необходимо не может находиться в мире субъективных мыслей, хотя и напрямую с ним взаимодействует. Данная метафорическая картина относительно автономных миров как нельзя нагляднее вскрывает идеалы Поппера в отношении объективного, наиндивидуального характера научного знания, которое будучи продуктом человеческого духа и поэтому, второго мира, отчуждается и существует вне его влияния: «знание в объективном смысле есть знание без того, кто знает, оно есть знание без познающего субъекта»²⁵. Также важным моментом оказывается видение Поппером специфики взаимодействия второго мира с миром физических тел, вещей и природы, которое возможно лишь посредством объектов третьего мира.

Такое онтологическое понимание объективного знания специфически дополняется введением Поппером понятия «абсолютной истины». Хотя философ элиминирует возможность идентификации истинных или не-истинных высказываний, так как не может быть найден критерий истинности, тем не менее, он пишет, что «мы <...> руководствуемся идеей истины как регулятивным принципом»²⁶, что дает ему право признать существование объективной истины как абсолютного соответствия фактам в роли идеала, наиболее верный путь к которому способна проложить только наука.

27
Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 4.

28
Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С. 12.

29
Там же. С. 17.

30
Там же. С. 23.

31
Там же. С. 24.

32
Там же. С. 84–85.

33
Там же. С. 166.

34, 35
Там же. С. 29.

Таким образом, представленная «реалистическая» «картина мира», которую Ю. Хабермас характеризует так: «мир является совокупностью того, что происходит; и то, что происходит, может быть зафиксировано в форме истинных высказываний»²⁷, и особая роль науки, отводимая Поппером в ней, раскрывает нам всю значимость проблемы демаркации науки — ее отделения и нахождения граней ее возможностей.

Смена попперовской перспективы и новый критерий демаркации

В этой части мы собираемся рассмотреть альтернативный взгляд на проблему демаркации последователя Поппера, Имре Лакатоса, изначально стремившегося укрепить позиции своего учителя, лишив их слабых и уязвимых мест.

Ключевым моментом, более всего не удовлетворявшим Лакатоса в «методологическом фальсификационизме» Поппера, оказывается его отношение к так называемому «эмпирическому базису», образованному некими «фактуальными высказываниями», выражающими «твердо установленные факты»²⁸, который на этом основании может служить опровержением какой-либо теории²⁹. Несмотря на признание Поппером, что никакого отличия, в принципе, между «недоказуемыми «теориями» и жесткими, доказательно обоснованными предложениями «эмпирического базиса» не существует», так как «все научные предложения являются теоретическими и, увы, погрешимыми»³⁰, роль этого базиса как фальсификатора и главное «элиминатора» научных теорий в «методологическом фальсификационизме» сохраняется. Так, в соответствии с данной установкой, одна, даже незначительная аномалия может «подписать смертный приговор» любой самой фундаментальной теории, в случае ее эмпирической проверки.

Между тем, ссылаясь на историю науки, Лакатос дает понять, что на самом деле никакие наблюдения не способны опровергнуть ни научные теории, ни вероятностные гипотезы, не имеющие эмпирического базиса: «...если даже эксперименты могли бы доказательно обосновывать свои результаты, их опровергающая способность была бы до смешного ничтожной: наиболее признанные научные теории характеризуются как раз тем, что не запрещают никаких наблюдаемых состояний»³¹.

Наиболее же сильной стороной учения Поппера, по мнению его последователя, являлась разработка ряда конвенциональных «методологических правил», благодаря которым его «фальсифицирующий

механизм» оказывается действенным. Так Лакатос приходит к выводу, что ни одна теория не играет никакой значимой роли, если она не состоит в некоторой непрерывной последовательности ей подобных теорий, образованной по каким-то общим принципам и правилам. Такая последовательность обозначается им «научной исследовательской программой», а логику ее функционирования, развития и взаимодействия с другими программами философия именует «методологией научно-исследовательских программ».

Можно сказать, что научно-исследовательская программа, в представлении Лакатоса, — некая система правил, норм, принципов, задающих «ход игры» и регулирующих поведение «игроков-исследователей». При этом правила исследования, работающие на программу — устанавливающие характер проблем и исследовательских задач, в первую очередь требующих решения, составляют «положительную эвристику программы», а все «запрещающие» принципы исследования — «отрицательную эвристику». Эти правила-запреты, в свою очередь, оберегают «жесткое ядро» программы от фальсифицирующего его элементов. Для работающих в рамках той или иной программы ученых ее «ядро» будет тем «непроблематичным знанием», которое не требует опровержений.

Положительная эвристика — крайне значимая часть исследовательской программы: она стимулирует разработку множества вспомогательных гипотез, спасающих программу даже от большого потока аномалий. В соответствии с Лакатосом, «внимание ученого сосредоточено на конструировании моделей, соответствующих тем инструкциям, какие изложены в позитивной части его программы. На известные «контрпримеры» и наличные данные он просто не обращает внимания»³². Поэтому — «Путь, по которому следует наука, прежде всего определяется творческим воображением человека, а не универсумом фактов, окружающим его»³³. Еще более отходя от позиции Поппера, Лакатос на исторических примерах обосновывает, как ««неопровержимость» превращается в отличительную черту науки»³⁴, и «чем упорнее теория сопротивляется эмпирическим фактам, тем больше оснований считать ее «научной»»³⁵. В этом смысле, бесконечные игры разума, построенные на ловком противостоянии опытным данным, оказываются нормой науки.

Далее Лакатос, фактически, «вписывает» фальсифицирующие факты в заранее заданную «общую схему» программы — ее «предохранительный пояс», при помощи которого ученый не только предвидит аномалии, но и победоносно превращает их в подтверждающие примеры.

19
Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избр. работы. М.: Прогресс, 1983. С. 323.

20
Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 74.

21
Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т.4. М.: Мысль, 1965. С. 94.

22
Здесь, осуществляя саморефлексию, мы подчеркиваем важность выведенного утверждения не столько ради освещения попперовских взглядов, сколько для артикуляции тех необходимых базовых условий, на которых конструируется сама демаркационная проблема.

23
Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. С. 440.

24
Там же.

25
Там же. С. 443.

26
Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. С. 378.

Лакатос описывает науку в терминах ее относительной теоретической автономности от мира опыта, так как «то, какие проблемы подлежат рациональному выбору ученых, работающих в рамках мощных исследовательских программ, зависит в большей степени от положительной эвристики программы, чем от психологически неприятных, но технически неизбежных аномалий»³⁶. И далее: «ученые выдвигают фантастические идеи и пускаются в выборочную охоту за новыми фактами, соответствующими их фантазиям. Это можно было бы назвать процессом, в котором «наука создает свой собственный мир»³⁷. Для Лакатоса, наука в целом может мыслиться «гигантской исследовательской программой»³⁸, а ее историческое развитие описывается в терминах конкурентной борьбы множества исследовательских программ за статус наиболее «эмпирически успешной», дающей самый прогрессивный сдвиг проблем.

В своей «метаметодологии» философ представляет, как осуществляется механизм смены одной научно-исследовательской программы другой, более «эвристически сильной». Если предыдущая программа не способна справиться с множеством противоречивых опытных данных, а другая может объяснять все ее «новые факты» и помимо этого, еще имеет добавочное эмпирическое содержание, хотя бы частично подкрепленное в опыте³⁹, — этого достаточно, чтобы новая исследовательская программа неизбежно «вытолкнула» предшествовавшую. Однако, Лакатос добавляет: «если потерпевшая поражение программа еще молода и способна быстро развиваться..., предполагаемые «решающие эксперименты» один за другим оттесняются в сторону, уступая ее рывкам вперед... Даже если проигравшая ... программа находится в зрелом возрасте <...> она все же может долго сопротивляться и предлагать остроумные инновации <...>, даже если при этом они не увенчиваются эмпирическим успехом»⁴⁰. Но здесь, как говорит философ в другом своем эссе, на помощь должны прийти, что называется, внешние регуляторы: «Редакторы научных журналов станут отказываться публиковать их статьи... Организации, субсидирующие науку, будут отказывать им в финансировании»⁴¹. Поэтому вскоре регрессивная программа неизбежно элиминируется. Таким образом, Лакатос модифицирует фальсификационизм Поппера, настаивая на возможности опровержения программы лишь при условии наличия другой, более «эвристичной» версии.

В этой же критике попперовской методологии мы также обнаруживаем признание

Лакатосом принципа фальсифицируемости как критерия «научности» несостоятельным.

Новым единственным и достаточным критерием демаркации науки и не-науки, по мнению философа, может быть только способность составляющих ее исследовательских программ предсказывать неизвестные до того эмпирические факты⁴². Немаловажным является, то, что в данном критерии заложено как требование эмпирического характера научного знания, так и условие его непрерывного роста. В соответствии с этим, если исследовательская программа прогрессирует, т. е. она дает добавочную эмпирическую информацию, — она научна. Если же программа может объяснить новые данные лишь постфактум, то это регрессивная стадия развития, в которой, по сути, «научной» ее уже назвать нельзя.

Мерой «научности» той или иной программы становится, таким образом, ее эвристическая (объяснительная) сила, «способность исследовательской программы теоретически предсказывать новые факты в своем росте»⁴³ (порой даже регрессивную программу не следует элиминировать ввиду ее возможной реабилитации будущими открытиями).

Утверждая свой новый критерий «научности», Лакатос проводит еще одну демаркационную линию — уже между своей «зрелой наукой», дающей миру новое знание, и «наукой, работающей по затасканному образцу проб и ошибок»⁴⁴ — попперовской наукой, по сути, занимающейся «языковыми упражнениями»⁴⁵, но искренне верящей в свою «эмпиричность». Истинный «эмпирический характер» науки, говорит Лакатос, может проявить себя лишь в историческом подтверждении произведенных ею фактов. В конце концов, опыт оспаривается «беспристрастным арбитром»⁴⁶.

Лакатосу удается сделать картину науки Поппера объемной, различающей и твердое ядро его методологии, и методологические правила, составляющие положительную эвристику, и запреты отрицательной эвристики на применение конвенционалистских методов, и «пояс» его фальсифицирующих практик как «защитников» ядра. Однако в свете такой «метаметодологической рефокусировки» концепция Поппера оказалась лишь одной из множества исследовательских программ. Его единый стандарт научной работы, универсальная логика открытия знания, научный метод, также как и заданные им границы науки становятся неработающими в другом историческом контексте. Только «новизной» полученного знания наука всегда может доказать свой статус. Выражаясь в понятиях самого Лакатоса, он предложил «менее быстрый» и «менее драматичный»⁴⁷, но, очевидно, более гибкий критерий демаркации научного и не-научного знания, функциональный для лю-

48
Фримен Ю., Сколимовский Г. Поиск объективности у Пирса и Поппера // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского, В.К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 255.

49
Fiona Hughes Kant's aesthetic epistemology: form and world. Edinburgh University Press, 2007.

50
Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т.5. М.: Мысль, 1966. С. 223.

51
Там же. С. 211.

52
Там же. С. 212.

53
Там же. С. 165.

54
Там же. С. 206.

бого периода в истории науки. Философ не дает жесткого определения, что есть наука и каким образом она должна следовать, — по его мнению, научной будет являться любая методология, которая дает приращение нового знания, имеет «эмпирический успех». Таким образом, как замечают впоследствии критики, «нам предлагают очень интересные методологические схемы эффективного приобретения научных знаний, но дело-то в том, что мы совсем не уверены, что приобретем именно научные знания»⁴⁸.

Имре Лакатос доказал бесполезность строгих принципов, предписываемых Поппером. Исходя из этого, мы можем констатировать сильную модификацию самой проблемы демаркации — от желания ограничить научную деятельность ученых априорным регулятивом «должного научного познания», к стремлению избавиться ее от оков всяких критериев и правил при сохранении единственного требования — производства нового знания. Жесткий регулятив научного познания исчезает. На его место приходит установка на открытие неизвестных фактов и возможность выбора любой исследовательской программы для ее осуществления.

Возможное решение: принцип эстетической рациональности

Рассмотрев две версии ответа на вопрос о демаркации науки, мы можем констатировать, что первый вариант, предложенный Поппером, носит априорный и объективный характер (в том смысле, что критерий фальсифицируемости задается до исследовательского опыта, но лежит вне ученого и не зависит от него). Вторая же, лакатовская, версия — также объективна, но апостериорна (никаких регулятивов до реализации выбранной исследовательской программы нет, однако ее «новизна» может быть установлена лишь после). Мы собираемся рассмотреть возможную альтернативу критериям демаркации, описанным выше, которая может быть определена априорной и субъективной, в противовес двум предыдущим. Это принцип эстетической рациональности. Но прежде чем приступить к нашему решению демаркационной задачи, следует обозначить, что мы подразумеваем под данным принципом.

Определением того, что есть «эстетическое суждение» и как оно возможно, занимался И. Кант в своей «эстетической эпистемологии»⁴⁹. Обнаружив в нем мостик между субъектом и объектом («человеком» и «природой»), между чувственным вос-

приятием и сознанием, философ называл суждением «об эстетичности» предмета, или «суждением вкуса» такое априорное условие, благодаря которому вещи могут стать объектами познания⁵⁰.

Исходя из этого, мы можем утверждать о том, что в основе любого рационального акта лежит эстетическое суждение о чувственно воспринимаемой форме. Т. е. эстетическая рациональность как рациональность, движимая априорным суждением вкуса «о красоте» предмета. В связи с этим данный принцип также называют «принципом красоты».

Рассмотрим кратко основные положения, выносимые Кантом в отношении эстетических суждений.

В общем ключе, Кант характеризует вкус как «способность судить о предмете или о способе представления на основании удовольствия или неудовольствия, свободного от всякого интереса». Тогда «предмет такого удовольствия называется прекрасным»⁵¹.

Кроме того философ подчеркивает «не универсальность», но «общность» правил, «которыми пользуется или на которые притязает суждение вкуса о прекрасном». Поэтому эстетические суждения имеют интересубъективный характер: «Суждению вкуса, когда осознана полная отрешенность его от всякого интереса, должно быть присуще притязание на значимость для каждого, <...> т. е. с ним должно быть связано притязание на субъективную всеобщность»⁵².

Но главное, о чем пишет философ, что эстетическое суждение — предчувствие понимания⁵³. Именно в нем сосредотачивается чувство блаженства, благоприятствующее дальнейшему развитию познания: когда суждение утверждает прекрасное, оно рождает заинтересованность и приближается к логическому восприятию предмета⁵⁴.

Рассматривая принцип действия вкуса как связующего звена объекта и субъекта познания и опосредующего элемента в любых рациональных практиках, мы вправе говорить о его применимости и к научной сфере познания. В обозначенной перспективе даже тем научным данным, которые построены на логических законах и строго рациональных выводах, будет всегда предшествовать эстетический опыт как некое допонятийное и необъяснимое восхищение, вызываемое «прекрасной» формой предмета созерцания, открывающее субъективному разуму путь к его пониманию. При этом, в соответствии с кантовским различием «свободной» и «привходящей» красоты⁵⁵, мы предполагаем «красоту» науки соответствующей второму типу, так как наука представляется одним из объектов,

55, 56
Там же. С. 231.
57
Там же. С. 232.
58

Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-пресс, Логос, Праксис, 2001.

подводимых «под понятие особой цели»⁵⁶, «которое определяет, чем должна быть вещь, стало быть, предполагает понятие ее совершенства, и, следовательно», — заключает Кант, это есть «чисто привходящая красота»⁵⁷.

Однако, если мы и признаем наличие и первостепенную роль способности эстетических суждений в науке, это еще ничего не говорит о ее способности производить различение «научного» и «ненаучного».

И тут мы приходим к следующему ключевому выводу: если наука может мыслиться в категориях «красивой» и «некрасивой», т. е. если мы предполагаем, что принцип эстетической рациональности может проявить себя в отношении любого предмета, в том числе и обладающего признаком «научного», то сопоставление одного «прекрасного»/«непрекрасного» предмета с другим «прекрасным»/«непрекрасным» и выбор одного из них может состояться в рамках только одного класса элементов. В этом смысле, субъект может выносить суждение «о красоте», к примеру, людей, мебели или одежды в пределах их составляющих, но никак не сравнивать степени «прекрасности» этих подмножеств между собой (высказывание о том, насколько стол красивее женщины, лежит вне здравого смысла). В данном положении интуитивно заложено решение нашей задачи: априорный «принцип красоты» позволяет демаркировать науку от всего ненаучного, назначая его «внешним» по отношению к данному (научному) классу предметов.

Таким образом, в самой способности эстетического суждения об объективированных формах научной деятельности априорно заложено их различение от произведений другой духовной активности, будь то религия, философия, искусство или что-то еще.

Но далее напрашивается закономерный вопрос о сравнении этих результатов научного познания — как возможно, например, уподобить «красоту» математического уравнения «красоте» социологической

концепции или химической формулы?

В этом случае, принцип эстетической рациональности идет дальше и проводит уже внутри-научные границы между двумя несхожими областями научного знания. При этом каждой области будет присущ свой уникальный «научный стиль», помогающий вкусу выносить свои вердикты (подробную характеристику стиля и его роли в различении символических миров (в том числе и научного) дает Н. Гудмен⁵⁸).

Сопоставляя предложенный нами и два описанных выше способа решения, можно заметить существенную разницу подходов: если Поппер выводит объективный критерий «научности» и строго «ограждает» им науку от всего, что не может быть сопоставлено с действительностью, а Лакатос представляет любое познание научным при условии, что оно дает нам новое знание о мире, то наш вариант не предполагает никакого критерия «научности» вовсе. Наша альтернативная версия не отвечает, как надо выстраивать научную деятельность и какими средствами получать именно научное знание, но тем не менее предоставляет возможность установить нужную нам демаркацию содержания определенной области науки от нерелевантных ей элементов из других областей.

Итак, предварительно рассмотрев две значимые позиции в истории эпистемологических поисков ответа на данный вопрос, мы установили, что решение выводилось на основании тех внутренних идеалов и образцов научного познания, имплицитно наличествующих у автора как приверженца того или иного философского течения. Мы попытались преодолеть данную логику и в результате получили качественно отличный способ демаркации науки: не через принятие ее достоверных и объективных черт, но через отрицание всего того, что ей не соответствует. Однако мы, по традиции, признаем наличие многих возможных способов решения проблемы демаркации науки и призываем других исследователей найти более удачный вариант ■

Алина Волынская «Настоящее» прошлое. Может ли образ прошлого в историческом романе стать предметом научного знания?

Алина Волынская, студентка факультета философии, отделения культурологии ГУ–ВШЭ.

В основе исторического романа (как и любого художественного произведения) лежит личный опыт и личный творческий замысел писателя.

В искусстве свобода личного проявления и волеизъявления, конечно, действует в гораздо большей степени, чем в науке, где существуют четко определенные правила. Беспристрастность, которая служит идеалом для научного знания, совершенно неуместна в искусстве, где творчество неразрывно связано с индивидуальными мыслями, чувствами и оценками.

В этом смысле, очевидно, что исторический роман ни в коей мере не претендует на объективное изображение прошлого — оставим эту претензию исторической науке. Мы, однако, не можем отрицать некоторых фактов: того, что исторические романы основаны на реальных событиях; что писатели, стремясь к правдоподобию, изучают многочисленные источники и исторические свидетельства; что образы различных эпох, представленные в разных исторических романах (а также фильмах, спектаклях и т.д.), часто схожи. Поэтому в историческом романе, не случаен и порожден не только индивидуальным творческим мышлением писателя. Это связано, по крайней мере, с тем, что само это творческое мышление, специфическим образом направленное на прошлое, сформировано текущей культурной ситуацией.

Отсюда закономерно возникают следующие вопросы: как конструируется прошлое в литературе и в восприятии читателя? Что, помимо сугубо творческих задач, заставляет писателей обращаться к жанру исторического романа, и что заставляет публику их читать?

Понимание механизмов конструирования образа прошлого в историческом романе представляется необходимым и важным потому, что именно образ прошлого ложится

в основу массовых представлений, которые, в конечном счете, влияют на мнения и действия людей в гораздо большей степени, чем достижения исторической науки.

Исторический роман строится вокруг реально происходивших событий и часто требует основательной научной подготовки — например, для написания романа «Собор Парижской богородицы» В. Гюго всерьез изучал топографию средневекового Парижа. Писатель включает своего героя в соответствующую эпоху, подчиняет его судьбу историческим событиям или же рассматривает историю как собрание индивидуальных жизней.

Классическому историческому роману присущи следующие законы жанра: значительность изображаемых событий для истории страны или истории в целом, подчеркнутая (и вместе с тем мнимая) документальность повествования, изображение реальных исторических деятелей, воссоздание некоторых черт и характеристик эпохи.

Сказанное выше верно лишь в том случае, если писатель ставит своей целью создать исторический роман в полном смысле этого слова, т.е. воссоздать некую эпоху. В бульварном романе действие переносится в прошлое исключительно ради экзотики среды. В массовой литературе образ эпохи не является предметом внимания, потому как читатель ищет не истории как таковой, а скорее скандала и сплетни¹. У писателя существует негласный договор с читателем — сюжет массового романа развивается по четко очерченной схеме с предсказуемым финалом. Публика ждет возвышенной любви, тайных пороков, интриг, страстей и тому подобного. В этом случае эпоха не влияет на личность героев и описываемое действие может с равным успехом происходить в античном Риме или в XVIII веке.

Конечно, даже самый серьезный и качественный исторический роман ориентирован на неподготовленного массового читателя и неразрывно связан с ожиданиями публики (даже в том случае, если писатель сознательно их отвергает). И тот образ прошлого, который воспринимает читатель, не может считаться научным или исторически достоверным.

¹ Мясников В. Историческая беллетристика: спрос и предложение // Новый мир. 2002. № 4.